

Арон Яковлевич Гуревич

Походы викингов

<http://norse.ulver.com/articles/gurevich/vikings/homeland.html>

Гуревич А. Я. Избранные труды. Т. 1. Древние германцы.

Викинги.: Издательство Фонда поддержки науки и образования «Университетская книга»; Спб.; 1996

Содержание

Родина викингов

5

Родина викингов

Саги о древних скандинавах рассказывают, что, когда норвежцы покидали родину и отправлялись в морское плавание на поиски новых земель, они брали на борт своих кораблей вместе со скарбом и резные деревянные столбы с изображениями древних богов. Эти столбы украшали хозяйское сидение в горнице: языческие боги охраняли дом и его обитателей от бед и злых сил – великанов, чудовищ и прочей нечисти. Приближаясь к берегам Исландии, переселенец бросал эти столбы в волны и высаживался в том месте, куда их выбрасывало прибоем. Здесь он строил новый дом и устанавливал старые столбы подле своей почётной скамьи. Переселяясь на новые места не только с домочадцами, рабами и скотом, но также и со своими богами, привычками и обычаями, норвежцы искали возможность продолжать жить по законам своих предков.

Норвежские эмигранты, оказавшись в Исландии, на Оркнейских или Фарерских островах, в Ирландии или Шотландии, предпочитали селиться в гористой местности, близ морского побережья, в бухтах и фьордах. Между тем датчане, покидая равнинный Ютландский полуостров, переселялись в равнинные районы Нормандии и Восточной Англии. Выходцы из Швеции ис-

кали озёрные и речные края, напоминавшие их родной Меларен и другие озёра Центральной Швеции.

И это неудивительно. В средние века человек зависел от природы несравненно больше, чем сейчас. Она диктовала ему, как жить, где селиться, чем заниматься. Люди должны были скорее приспособливаться к своим потребностям. Вот почему, не зная своеобразных черт природы Скандинавии, нельзя понять жизнь её средневековых обитателей.

Скандинавский полуостров, вытянувшийся без малого на 2000 км, – самый крупный в Европе. Его рельеф сложился при отступлении и таянии ледника. Большая часть полуострова – гористая. С юго-запада на северо-восток простираются массивы Скандинавских гор. Гранитные скалы обнажены, но некоторые из них покрыты вечными снегами и ледниками. В образованных древним ледником чашах блещут синевой многочисленные озёра. Горы круто обрываются в Норвежское море, врезающееся в берега многочисленными узкими и глубокими фьордами. Фьорды – заполненные морем огромные трещины в каменном теле полуострова – тянутся на десятки и сотни километров. Горы Скандинавии густой сетью прорезаны короткими, но многоводными и быстрыми реками с частыми порогами и водопадами. У берегов Норвегии, тянущейся длинной узкой полосой в западной и северной частях полуострова, в общей сложности насчитывается до по-

луторага тысяч островов. На восток Скандинавские горы постепенно понижаются. Возвышенности Северной Швеции наклонены к югу и ступенями спускаются к Ботническому заливу.

Лишь южная оконечность Скандинавского полуострова – Сконе – равнинная, с плодородными почвами. Её пересекают невысокие скалистые гряды. Рядом островов, крупнейший из которых – Зеландия, Сконе соединяется с полуостровом Ютландией, тоже преимущественно равнинным. Берега Ютландии изрезаны морем и окружены огромным количеством островов и скалистых островков – шхер. Юго-западное побережье Ютландии окаймлено песчаными косами, отделёнными от полуострова ваттами – пространствами, которые заливаются приливом и обнажаются при отливе. На берегу они переходят в покрытые сочными травами марши, которые тоже иногда затопляются морем. Это наиболее плодородные земли.

В отличие от Ютландии, ныне сравнительно небогатой лесами, почти половину всей площади Скандинавского полуострова занимают леса. Но в древности ими была покрыта большая часть территории обоих полуостровов. Леса разнообразны: на севере – хвойные, южнее – смешанные. Они располагаются зонами, в зависимости от высоты гор. На крайнем севере Скандинавского полуострова преобладает тундра. Леса богаты зверем, много птиц, прибрежные воды изобилуют

рыбой.

Скандинавские горы резко делят полуостров на две климатические зоны. На севере климат полярный, суровый в течение круглого года, на западе – умеренный, океанический; здесь чувствуется тёплое Атлантическое течение – Гольфстрим. Благодаря ему климат Норвегии и Швеции более мягкий, чем в других странах, расположенных в тех же широтах. Обильны осадки, зима мягкая, лето прохладное. Восточная часть полуострова защищена от западных ветров горами. Климат здесь континентальный: зима холоднее, лето более тёплое, причём в древности эти различия были сильнее, чем ныне. Но климат Средней Швеции смягчается под влиянием больших озёр – Венерн, Меларен, Веттерн и др. Зимой на большей части территории Швеции передвижение возможно преимущественно на санях.

Сильно изрезанная береговая линия Скандинавского полуострова чрезвычайно велика. Швеция, Норвегия и Дания – морские страны. Такова и Исландия – остров, население которого сосредоточивается на береговых низменностях, тогда как его внутренняя, возвышенная часть – пустынна и бесплодна.

Природные условия – горы, валуны, густые леса, обилие холодных талых вод вследствие весеннего таяния снегов, бедность почв и значительная высота над уровнем моря – мало благоприятствовали занятию зе-

мледелием. И в наши дни в Норвегии обрабатываемые земли составляют около 3% всей площади, а в Швеции – 9%, причём большинство пахотных земель приходится на её южные области. В Исландии же обрабатываемые земли занимают менее 1% общей площади. Шире хлебопашество развивалось в Сконе и в Дании. В Норвегии и в большей части Швеции земледелие было возможно лишь на ограниченных пространствах, да и там населению подчас приходилось очищать почву от камней, выжигать или вырубать леса. Легенда приписывает одному из первых шведских конунгов прозвище «Лесоруб»: он якобы велел своим подданным и слугам вырубать леса и строить на расчистках селения. В XI-XIII вв. подобная внутренняя колонизация Швеции и Норвегии приобрела значительный размах. Выжигание лесов практиковалось вплоть до недавнего времени и привело к гибели обширных лесных массивов.

Из-за обилия осадков и короткого вегетационного периода во многих частях Скандинавского полуострова среди хлебных злаков преобладают быстро созревающие сорта овса и ячменя. Рожь и пшеница распространены лишь в южных районах. Но увеличение населения далеко не всегда могло сопровождаться соответствующим ростом зернового хозяйства. Хлеба в Скандинавии в средние века не хватало, и зерно ввозили из других стран (в раннее средневековье – из Англии, затем – из Германии). Методы обработки земли

на протяжении всего средневековья оставались большей частью примитивными. Нередко практиковалось мотыжное земледелие. Трехпольный севооборот применялся мало. Урожайность культур была крайне низкой.

Шире было развито скотоводство. Большие возможности для него давали горные пастбища – сетеры. Ими пользовались сообща жители многих хуторов и целых округов. Крестьянам часто приходилось заботиться не столько о запашке поля, сколько о заготовке фуража для скота на зиму. Кормов не доставало, и весной отощавших коров подчас приходилось выносить на приусадебные пастбища на руках. Падёж скота был обычным явлением. Поэтому октябрь в шведском календаре считался месяцем массового убоя скота.

Среди продуктов питания норвежцев и шведов на первом месте стояли мясо, молоко, масло, а также рыба: ловля трески и сельди всегда являлась одним из основных занятий населения приморских областей. Издревле в Скандинавии был известен и китобойный промысел. На Севере, за Полярным кругом, добывали тюленей. Тамошние жители – саами (лопари) разводили оленей, охотились на пушного зверя, птицу, собирали птичьи яйца и пух. Мясо и рыбу запасали впрок, вялили, солили и коптили. Такую пищу запивали большим количеством пива, и часто зерно употребляли прежде всего для изготовления горячительных на-

питков, а не для выпечки хлеба. В сагах нередко упоминаются недороды и голодные годы, когда даже наиболее богатым людям не из чего было варить пиво.

Голод и его угроза как следствие неурожая, падежа скота, ухода рыбы от побережья и других стихийных бедствий – повседневная реальность в жизни скандинавов того времени. Жители Севера сплошь и рядом были вынуждены покинуть насиженные места, переселяться в другие районы страны или вовсе уезжать за её пределы. Эмиграция из Скандинавии началась задолго до эпохи викингов.

Неизбежно возникавшая потребность в регулировании численности жителей Скандинавии удовлетворялась разрешёнными языческими верованиями детоубийством. Новорождённого приносили отцу, и он решал, оставить ребёнка в семье или нет. Если он не считал это возможным вследствие своей бедности, физических недостатков или слабости ребёнка, младенца относили в лес или пустынную местность и оставляли на произвол судьбы. Особенно часто так поступали с девочками. Если же новорождённого окропили водой, и отец дал ему имя и взял на руки, – он считался членом семьи, рода, после чего выбрасывание его расценивалось бы как убийство. Мужчина имел право признавать или отвергать детей, рождённых вне брака, – от рабыни или наложницы; если он не признавал ребёнка, его судьбой должна была рас-

порядиться сама мать. В те времена в ходу было понятие *gravgangsmenn* – «люди, обречённые на могилу»: если вольноотпущенник не мог прокормить своё потомство, детей оставляли в открытой могиле; бывший господин вольноотпущенника должен был взять наиболее крепкого из этих несчастных, остальные погибали голодной смертью. Показательно, что, когда в 1000 г. исландцы согласились принять крещение, было оговорено сохранение старинного обычая выбрасывать новорождённых. Эти варварские обычаи легко осудить, однако их нельзя объяснить чёрствостью родительского сердца. Нужда ожесточает. Суровые климатические условия Исландии постоянно держали её население под угрозой голода. Во время сильного голода, постигшего остров зимою 976 г., убивали стариков. Видимо, неспроста датчане в Западной Европе того времени прослыли обжорами: после скудного питания на родине они с жадностью набрасывались на пищу, которой были богаче жители более плодородных стран.

Европа в «эпоху викингов»

Естественная среда, в которой жили скандинавы, определяла не только формы их хозяйственной деятельности, но и характер поселений. В гористых, сильно пересечённых местностях Норвегии и Швеции преобладали хуторские поселения, состоявшие из отдельной усадьбы или нескольких усадеб. Зачастую хутора были разбросаны на большом расстоянии один от другого. Лишь постепенно, с ростом населения, из хуторов возникали небольшие деревни. Но и тогда сыновьям владельца хутора нередко приходилось переселяться в другую местность, если имелась возможность основать новую усадьбу. Обширные районы в гористой части Скандинавии оставались незаселёнными и ис-

пользовались только для охоты. И в наши дни Норвегия отличается наименьшей плотностью населения в Европе, уступая в этом отношении одной Исландии. В равнинных областях средней Швеции и в Дании деревенская община возникла уже в раннее средневековье. Здесь население гуще. В этих областях, да ещё кое-где в приморских районах Норвегии быстрее наступал материальный прогресс, развивалась культура, закладывались предпосылки для возникновения государства.

Жители обособленных хуторов, в особенности расположенных в гористой местности, подчас не могли поддерживать постоянных связей даже с соседями. Снежные горы и ледники, фьорды и горные речки разделяли страну на многочисленные небольшие районы, население которых жило своей жизнью и было слабо связано с внешним миром. Если горы разъединяли, то море часто соединяло жителей Скандинавии. Так, до недавнего времени обитателям отдельных местностей Исландии труднее было поддерживать сообщение между собой, чем с Данией, которой до сравнительно недавнего времени был подчинён остров.

Разобщённость поселений не менее характерна и для других скандинавских стран. Большая часть норвежцев, например, жила в приморских частях страны, на берегах моря и фьордов. Кое-где через горные перевалы пролегали дороги, но по морю добраться из

Северной Норвегии в южную или западную части её оказывалось проще и быстрее, чем по суше. Название страны – Норвегия (Norgðvegr) означало «северный путь» – этот путь шёл вдоль побережья. Средневековый скандинав чувствовал себя на земле более стеснённым, чем на море. Почти все крупные сражения, которые произошли в Скандинавии между IX и XIII вв., были морскими. Повелителем Норвегии оказывался тот, кто обладал флотом.

Горный ландшафт Скандинавского полуострова, разделявший его на обособленные районы, в незначительной мере предопределил и границу между Норвегией и Швецией. Её большая часть проходит по горному хребту – в местности, которая не заселена и в наши дни. И это несмотря на то, что Швеция, Норвегия и Дания на протяжении всей своей истории были тесно связаны между собой как морскими путями (Швеция отделена от Дании лишь узкими проливами, расстояние от Норвегии до Дании по морю по прямой немногим превышает 100 км), так и непосредственным территориальным соседством: Дания в средние века имела владения в южной части Скандинавского полуострова – Сконе.

Разъединённые всем образом жизни и хозяйства, которое на протяжении многих веков сохраняло натуральный характер, жители скандинавских стран вместе с тем имели между собой и много общего. Прежде всего общими были их этническая принадлежность к

северным германцам и язык. Повсюду в Скандинавии в раннее средневековье говорили на родственных диалектах одного древнескандинавского языка. Он принадлежит к языкам германской ветви индоевропейской языковой семьи. Иногда его называли «датским языком». Этот язык был понятен и в тех странах, куда переселялись выходцы из Скандинавии. Исландские поэты – скальды исполняли свои песни перед датским конунгом и беседовали со шведами при посещении их страны; норвежский конунг, бежавший на Русь – в «страну укреплений» (Garðaríki), как её называли скандинавы, находил общий язык (в прямом смысле слова) с её правителями. В Англии также понимали северную речь. Культура, религиозные представления, мифология, формы погребений, многие правовые обычаи были общими для всех скандинавов. В основе их языковой и духовной общности, общности права и обычаев, о наличии которой свидетельствуют как первые записи их судебныхников, так и саги, лежали общее происхождение северных германцев, одинаковые условия жизни, один и тот же общественный строй – родовой строй на стадии разложения и перехода к классовому обществу – и порождённая этими естественными и общественными условиями и соответствовавшая им психология.

Если население большей части Европы того времени состояло преимущественно из крестьян-земледельцев, то скандинавские бонды – так называли сво-

бодных людей, домохозяев, глав семей – были не только, а подчас и не столько хлебопашцами, сколько скотоводами, охотниками, рыболовами, моряками, китобоями. Широко развитая на Севере уже в раннее средневековье торговля давала возможность его жителям несколько пополнять свои скудные пищевые ресурсы: они вывозили шкуры, меха, рыбу, лес, домотканые сукна, железную руду, тальковый камень и выменивали их на зерно, вино, ремесленные изделия, оружие, украшения и другие товары.

Несмотря на издревле существовавшие связи жителей Скандинавии с другими народами, внешнее влияние на их жизнь до начала эпохи викингов было всё же относительно слабым. Скандинавы оставались в стороне от развития античной цивилизации. Хотя выходцы из северных стран и принимали участие в нападениях на Римскую империю, скандинавские племена не были вовлечены в «Великое переселение народов», которое привело к завоеванию Римского государства варварами и образованию на его территории германских королевств. Относительная изоляция скандинавов тормозила их экономический, общественный и культурный прогресс. В то время как у франков, готов, англосаксов и других племён, переселившихся в бывшие провинции империи, формирование классового общества ускорило под воздействием найденных в завоёванных ими странах римских порядков, жите-

ли Швеции, Норвегии и Дании, оставаясь на родине, дольше сохраняли общинно-родовой строй. Его разложение шло медленнее, чем в других частях Европы.

У племён, занимавших отдельные области Скандинавского полуострова и Ютландии, долго держались родовые и общинные формы собственности на землю. Вплоть до VIII-IX вв. здесь существовала патриархальная большая семья – коллектив ближайших родственников нескольких поколений: в одном хозяйстве объединялись не только родители и их дети, но и семьи, созданные взрослыми сыновьями. Обычно большая семья занимала одно жилище. Археологами обнаружены остатки многих длинных домов этого периода. Длина их достигала 20-30 и более метров. В отдельных помещениях такого дома жили отец с матерью, сыновья со своими жёнами и детьми, другие родственники. В районах полуострова, имеющих суровый климат, отгороженная часть дома отводилась под стойло для скота ¹. Земля, примыкавшая к усадьбе, принад-

¹ [1] Hagen A. Studier i jernalderens gårdssamfund // Universitetets oldsaksamlings skrifter. Bd. IV. Oslo, 1953; Petersen J., Gamle gårdsanlegg i Rogaland, Bd. I-II. Oslo, 1933, 1936; Hatt G. Oldtidsagre // Det kongelige Danske Videnskabernes Selskab. Arkeologisk-Kunsthistoriske Skrifter. Bd. II. Nr. 1. København, 1949; Hatt G. Nørre Fjand. An Early Iron-Age Village Site in West Jutland // Arkaeologisk-kunsthistoriske Skrifter utgivet af Det Kongelige Danske Videnskabernes Selskab. Bd. 2. № 2. København, 1957; Viking – Age settlements in Western and Central Jutland. Recent excavations // Acta Archaeologica. V. 50. 1979. Copenhagen, 1980.

лежала всей семье, составлявшей своеобразную домовую общину. С помощью родственников легче было расчистить участок от камней или леса и запасти на зиму корм для скота. Суровая природа вынуждала людей прочно держаться отношений взаимопомощи, естественных для родового строя.

Лишь в более позднее время между сыновьями и отцом или между братьями стали производиться разделы наследственного владения. Но и после раздела земли и обособления индивидуальных хозяйств свободного распоряжения участками сразу не возникало: человек, вынужденный продать свою землю, был обязан предложить её купить сначала своим сородичам. Только в том случае, когда они не могли или не желали воспользоваться этим предложением, владелец получал право продать землю на сторону. Однако сородичи могли и впоследствии выкупить проданную землю ².

Первоначально же земля вообще считалась неотчуждаемым владением большой семьи. Для бонда усадьба его отца, в которой он родился, жил, работал вместе с сородичами и которую он оставлял, умирая, своим детям и другим близким людям, была микромиром, средоточием всех его интересов. Его усадьба называлась одалем, а сам он – одальманом. Но слово «одаль» – наследственная земля – означало в древне-

² [2] Гуревич А. Я. Большая семья в Северо-Западной Норвегии в ранне-средневековье // Сб. «Средние века». Вып. VIII. М., 1956.

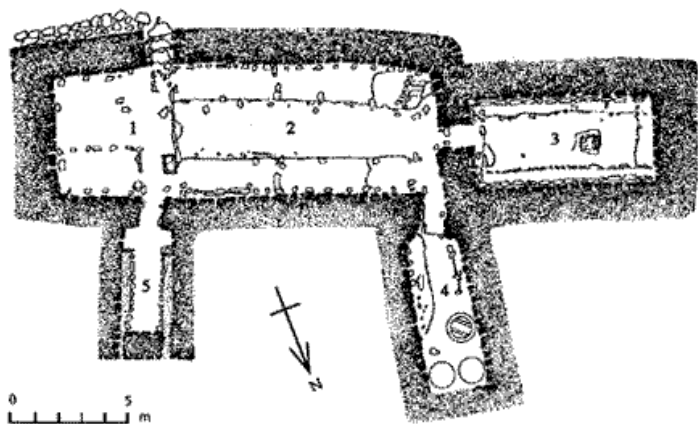
скандинавском языке также «родина». В представлении скандинавов времён язычества, мир людей был не чем иным, как большой усадьбой: вокруг неё лежал мир великанов и страшных чудовищ. Поэтому мир людей называли Мидгардом (буквально: «то, что расположено в пределах изгороди»), а мир исполинов и чудовищ – Утгардом («находящееся за оградой»). Человек и усадьба были неразрывно связаны между собой. Эта связь считалась священной.

Близ хутора и даже в пределах его ограды находилось погребение предков. Считалось, что умерший продолжал свою жизнь в роду. Детям охотно давали имя предка, который как бы оживал в них, а его качества оказывали влияние на нового носителя имени. Предки охраняли семью и хозяйство, от них зависело плодородие. В память отцов и дедов воздвигались камни с вырезанными на них руническими надписями. Сознанием тесной связи поколений родичей и важной роли, которую умершие играли в судьбах потомков, проникнуты исландские родовые саги, с исключительной тщательностью прослеживающие родственные связи исландцев не только с ближайшими, но и с отдалёнными предками: для древних скандинавов история в значительной мере была родословной. Уважение к старшим – безусловный закон родового общества – сочеталось с не менее общераспространённым пренебрежением к слабым. Нередко ста-

рик, чувствуя приближение времени, когда он станет беспомощным, искал смерти в бою. Древние скандинавы верили, что такая смерть открывала перед ними врата Валхаллы – загробной обители павших со славою воинов.

Названия многих усадеб, восходящие к периоду, предшествующему походам викингов, свидетельствуют о независимости, богатстве и высоком общественном положении их обладателей, о гордом их самосознании: «Прекрасный двор», «Дом сильного», «Жилище благородного», «Золотой двор», «Двор радости», «Богатая обитель».

У жителей усадеб были свои божества и духи-покровители, в честь которых приносились жертвы и устраивались празднества. Нередким было поклонение животным – коням и быкам. Во время праздничных пиршеств употреблялись мясо и кровь коней. Детородный орган жеребца служил амулетом, приносящим плодородие. Усердное поклонение духам дома гарантировало благополучие семьи, удачные роды жены и невесток, здоровье детей, приплод скота, произрастание посевов, счастье во всех делах.

План исландского хутора периода викингов (по материалам раскопок): 1 – сени; 2 – центральное жилое помещение («зал»); 3 – рабочая комната; 4 – чулан; 5 – уборная

В средней части дома находилось обширное помещение. Здесь, вокруг очага, происходили общие трапезы всех членов семьи. Вдоль стен располагались скамьи для домочадцев, а у обращённой к северу стене возвышалось хозяйское место, украшенное столбами с резными изображениями богов – покровителей дома. Почётное сидение бонда – главы дома – почиталось священным. Когда после смерти отца сын садился на его место, это означало, что он вступил в права наследника.

Вместе с членами семьи в усадьбе жили рабы и другие зависимые люди и слуги, которые помогали по

хозяйству, пасли скот и выполняли другие тяжёлые и грязные работы, участвовали в рыбной ловле. У каждого более или менее крепкого хозяина имелись зависимые домочадцы. Владельцы побогаче нередко выделяли рабам и вольноотпущенникам небольшие участки и снабжали их инвентарём. Всё население дома находилось под непререкаемой и неограниченной властью его главы. Для такого самоуправляющегося и обособленно жившего коллектива не существовало иного закона, помимо обычая предков и воли отца. Он был властен наказывать домочадцев и определять их судьбу, от него зависело, останется ли в живых новорождённый ребёнок. Между членами большой семьи не было равенства. Наряду с детьми, рождёнными в браке и пользовавшимися правом наследования, у хозяина могли быть дети от рабынь и наложниц, которые таких прав не имели. Незаконнорождённые дети и бедные родственники, находившиеся на положении приживальщиков, играли немалую роль в хозяйственной жизни крупной усадьбы наряду с рабами и слугами. Зачастую зажиточные бонды отдавали своих детей на воспитание к более бедным родственникам или другим людям, в том числе вольноотпущенникам. Это была своеобразная форма покровительства, оказываемого сильным более слабому. Таким путём расширялся круг родства и взаимопомощи, возглавляемый могущественным хозяином.

Женщина находилась под властью и покровительством мужчины: девушка – под опекой отца или сородича, заменявшего ей отца; после выхода замуж она переходила под опеку мужа. Но будучи подчинённой мужчине и неравной с ним, в частности в правах наследования, женщина вместе с тем не была принижена и бесправна. Ей принадлежала большая роль: она считалась хозяйкой дома. Саги рисуют облик многих властных женщин, державших семью в своих руках и пользовавшихся уважением жителей всей округи. Обладала женщина и правом на развод, которым могла воспользоваться в случае обнищания супруга, причинения ей обиды или недостойного поведения (например, если он носил одежду, напоминающую одежду женщины). Супружеская верность жён строго охранялась ревнивыми и мстительными мужьями, которые весьма пеклись о своей и семейной чести: неверную муж жестоко наказывал и отсылал к её сородичам, которые могли даже продать её в рабство. Западноевропейские хронисты утверждали, что у каждого скандинава якобы имелось по две-три жены, а у знатных их было без числа.

В усадьбе всем находилась работа. Но молодые люди из зажиточных семей имели возможность покидать отцовские усадьбы на летнее время, отправляться за море в пиратские и торговые поездки. До наступления зимних штормов они возвращались домой, принося се-

мье, помимо дохода, уважение и славу в округе, новости о заморской жизни и впечатления, необычные для рутинного быта на родине. Зимой, когда работы было меньше, а связь с внешним миром, и без того слабая, почти вовсе прерывалась, жители усадьбы много времени проводили у домашнего очага, слушая рассказы о виденном и пережитом в чужих странах, сказания о жизни в старину, легенды о богах и героях, нередко восходившие к эпохе «Великого переселения». Как и другие народы, жившие родовым строем, скандинавы отличались широким гостеприимством. Даже врага нужно было накормить, если уж он пришёл в дом.

Летом жизнь заметно оживлялась. Жители соседних хуторов чаще встречались на общих пастбищах, на сходках. Такие сходки – тинги – устраивались для решения конфликтов и споров, возникавших между соседями, для расследования и наказания преступлений; на тингах совершались в присутствии свидетелей и поручителей имущественные сделки. В каждом районе (хераде, сотне), пределы которого устанавливались самой природой – в отдельной долине, части побережья существовал свой тинг. На эти сходки мужчины являлись вооружёнными. Принимая решение, они, как и древние германцы, в знак одобрения потрясали оружием.

Человек, имевший претензии к другому или обвинявший его в преступлении, должен был явиться к до-

му обидчика и вызвать его на тинг. Затем от усадьбы к усадьбе передавали стрелу – знак созыва тинга. В назначенный день, обычно в новолуние или полнолуние, все бонды, жившие в одном районе, собирались на отведённом для тинга месте, например на холме или лесной поляне, и выслушивали стороны и свидетелей. Места сходов считались священными и состояли под охраной богов: кровопролитие или другое преступление, совершённое здесь, признавалось святотатством и каралось особенно строго. Нередко в этих местах находилось капище, совершались жертвоприношения и гадания.

Хранителями обычая были наиболее почтенные и старые люди; обычай так и переходил из поколения в поколение, «исконность», старина придавали ему силу и авторитет. В нужных случаях хранитель обычая излагал его на тинге, в Исландии знаток обычаев так и назывался «законоговоритель». Для того чтобы оправдаться от обвинения, нужно было принести очистительную присягу вместе с определённым числом соприсяжников; количество их зависело от характера и тяжести обвинения. Иногда прибегали к испытаниям раскалённым железом или кипящей водой, и выдержавший испытание считался очистившимся от обвинения. Виновных присуждали к уплате возмещения в соответствии с обычаем или по оценке сведущих людей. Наиболее злостных преступников карали изгна-

нием, таких негодяев – «нидингов» – считали волками, их всякий мог убить.

Единственной формой письменности у скандинавов до конца XI в. оставались древнегерманские знаки – руны, которые вырезали на камне, кости, дереве, оружии. Они имели преимущественно магическое значение, и законов ими не записывали. Поэтому к памяти предъявляли очень большие требования. В памяти приходилось хранить всё, что требовалось сообщить следующему поколению. Сделки и соглашения заключались при свидетелях, которые обязаны были помнить их условия; по прошествии определённого срока эти условия подтверждались на тинге или сообщались тем, кто должен был выполнять функции свидетеля впоследствии. Чтобы память не изменила, свидетелей обычно было несколько.

Человек, привыкший рассчитывать только на свои силы и помощь сородичей, зачастую не обращался за правосудием к тингу: заботясь о поддержании чести своей семьи и рода, он расправлялся с обидчиком сам. Кровная месть была обычным явлением. Стремясь причинить обидчику и его роду наибольший урон, нередко убивали того из родственников преступника, кто пользовался наибольшим уважением. Месть вызывала ответную месть, ибо кровь, по представлениям, господствовавшим в родовом обществе, смывалась только кровью. Если сородич не был отмщен, на всю семью

и род ложилось пятно позора. Мечь индивидуальная превращалась в мечь родовую, вовлекавшую в свой кровавый черёд широкий круг людей и длившуюся подчас из поколения в поколение. Лишь посредничество соседей могло заставить враждующих сложить оружие и удовлетвориться уплатой возмещения. Исландские саги, излагающие родовые предания и жизнеописания, полны рассказов о бесконечных кровавых распрях между семьями и родовыми группами как в самой Исландии, так и в других скандинавских странах. Нередко случалось, что мечь приводила к убийству сразу большого числа людей. В обычае было сожжение дома врага с его обитателями. Величайшим несчастьем, которое могло постигнуть человека, у древних скандинавов считалось прекращение рода или его упадок. Любовь к детям питалась, помимо естественного родительского чувства, сознанием того, что они – продолжатели рода.

Общество ещё не перестроилось по классовому принципу, все бонды – свободные люди, обладавшие хозяйственной независимостью, считались равноправными и полноправными, обычай, имевший силу закона, был для всех один. Но на практике торжествовало право сильного: кто имел больше сородичей и зависимых людей, был богаче и влиятельнее, тот мог навязать свою волю соседям и участникам тинга. Самоуправство наиболее могущественных и богатых людей, имевших средства заставить считаться с собой

всех окружающих, уже тогда не знало границ.

Имущественное неравенство скандинавов ещё до эпохи викингов было довольно значительным. Наряду с состоятельными владельцами, которые владели большими стадами, использовали в хозяйствах труд рабов и слуг, имели корабли для торговых поездок, существовало немало бедняков, с трудом сводивших концы с концами в небольших усадьбах. Обнищавшим приходилось идти в услужение к богатым соседям. Нередко свободный человек, лишившийся собственности и не имевший возможности получить помощь от родственников, попадал в долговую кабалу и оказывался в положении раба. Вокруг больших и богатых дворов преуспевающих бондов на их земле возникали мелкие хозяйства арендаторов и держателей, которые платили за пользование участками часть урожая. Держателями становились также рабы и вольноотпущенники. Таким образом, крупное хозяйство в Скандинавии тех времён обрастало более мелкими. Рабы и вольноотпущенники, слуги и арендаторы, многочисленные родственники и приживальщики группировались под властью «могучих бондов», как их с почтением, а подчас и с опаской, называли окружающие. Владения «сильных людей» (стурманов) становились центрами общественной жизни в отдельных местностях, своеобразными ядрами социального притяжения для всех более слабых, бедных и беззащитных: здесь они искали по-

кровительства и помощи, за которую были вынуждены расплачиваться своей независимостью.

Жители соседних местностей, принадлежавшие к одному племени, подчас объединялись для совместной защиты от нападений и для соблюдения порядка. Время от времени они собирались на областной тинг. Здесь обсуждались наиболее важные дела, имевшие общий интерес. Некоторые языческие святилища были общими для целой области. Народные сходки являлись важным средством общения населения, раздроблённого на мелкие мирки: на них узнавали новости, договаривались о сделках и брачных союзах. Законоговение не было оторвано от народного сказания, и то и другое в глазах народа имело одинаковую достоверность и значение. Встречи на тингах способствовали распространению саг, до XII-XIII вв. сохранявшихся в устной форме, песен о богах и героях, стихотворений и песен скальдов.

Хотя тинги в тот период сохраняли характер народных сходок, ведущую роль на них играли наиболее знатные и влиятельные бонды. С ними были связаны родством, свойством, а нередко и материальной зависимостью многие участники тинга. Когда собрание посещал правитель области – конунг или ярл, – с ним от имени и при поддержке присутствовавших говорили знатные люди и «могучие бонды».

Таким образом, несмотря на значительную обосо-

бленность хуторов и мелких деревень, их жителей объединяло стремление наладить местное управление, охрану порядка и правосудие; существовала общность религиозных верований, культов и связанных с ними празднеств. Необходимость защититься от внешней опасности, нападений с моря или на суше, вынуждало жителей заботиться о создании укреплений, где они могли бы укрываться от врага, и об организации ополчения. Примитивные, преимущественно земляные и деревянные, с использованием камня, укрепления, остатки которых разбросаны в разных частях Скандинавии, свидетельствуют о том, что население предпринимало совместные работы по их постройке. Но в организации подобных работ, и особенно при создании ополчения, большую роль играли вожди, стоявшие во главе населения.

Знать существовала ещё у древних германцев. Во главе родов и округов стояли старейшины, племена возглавлялись «королями» и военными вождями, причём последние во время войны пользовались широкой властью. Античные авторы подметили наследственный характер германской знати: знатность, понимаемая как родовитость, была принадлежностью целого рода или семьи, и только из числа лиц, входивших в состав этого рода и семьи, «выбирались» предводители племён и племенных союзов. Таких «королей» (у скандинавов они назывались конунгами), ярлов и хер-

сиров упоминают не только песни скальдов, наиболее ранние из которых известны от IX в. Свидетельствуют о них и рунические надписи, начиная с эпохи «Великих переселений». Правление знати было повсеместным явлением, оно глубоко укоренилось в общественной жизни скандинавских племён задолго до эпохи викингов. В VI-VIII вв. могущество знати ещё более укрепляется.

Внушительными свидетельствами этого могут служить «княжеские» курганы и богатые погребения правителей Уппланда (в Средней Швеции), подчинивших своей власти племена свеев, и среди них – крупнейший «курган Оттара», датируемый V-VI вв.³ В Юго-Восточной Норвегии расположен самый большой курган Северной Европы – Ракнехауген. Поперечник его – 100 м, высота – 15 м. Прежде чем насыпать курган, строители возвели сооружение из брёвен. С этой целью они истребили большой сосновый лес. Исследование годичных колец использованных при этом деревьев показало, что все они были спилены в течение одного года. При возведении кургана были предприняты и земляные работы широкого масштаба (в общей сложности было насыпано около 80 тыс. кубометров земли). Предполагают, что в этих работах принимали участие

³ [3] Lindqvist S. uppsala högar och ottarshogen. Stockholm, 1936; Åberg N. Vendelgravarna och Uppsala högar i deras historiska miljö // Fornvännen, 1949, S. 193-204.

приблизительно 500 человек, т. е. мужское население обширного района. По-видимому, курган был возведён по приказанию могущественного вождя. Погребения в кургане не оказалось: он служил не местом захоронения, а монументом, увековечивавшим память «князя». Археологи относят Ракнехауген к VI в.⁴ Предание гласит, что в шведском Уппланде и в Юго-Восточной Норвегии в тот период правила династия Инглингов, к которым впоследствии возводили свой род конунги Швеции и Норвегии.

Когда гораздо позднее, в конце X в., представитель французского короля спросил датских викингов, отряд которых грабил Северную Францию, об имени их господина, они отвечали: «Нет над нами господина, ибо все мы равны!» Этот гордый ответ часто приводят в доказательство сохранения демократических порядков не только в Скандинавии, но и в войске викингов. Действительно, господ во французском понимании, т. е. феодальных сеньоров, требовавших службы и верности от своих вассалов за пожалованную им землю, у скандинавов в X в. ещё не существовало. Но не было среди них и равенства: знать возвышалась над остальным населением, которое видело в ней своих предводителей и повиновалось ей.

Знатные люди играли ведущую роль в военном де-

⁴ [4] Vårt folks historie. bd. I. Oslo, 1962, s. 242-244.

ле. Вождь стоял во главе ополчения, составившегося из всех боеспособных мужчин. Слово «херсир» (hersir), обозначавшее вождя, происходит от древнескандинавского herr – войско, народ. Быть вождём племени, народа, значило возглавлять воинское ополчение. Во время войны вождь пользовался неограниченной властью. Он постоянно требовал от подчинённых ему жителей хранить в порядке необходимое оружие. Существовало понятие «народное оружие», т. е. оружие, которое должен был иметь каждый свободный человек. В его состав входили боевой топор или меч, копье, лук со стрелами, щит. Поскольку война сплошь и рядом шла на море, в прибрежных водах, требовались корабли, и население было обязано на свои средства, в складчину, строить и снаряжать боевые ладьи, поставлять провиант и служить на них. В эпоху викингов жители приморских районов Швеции, Дании и Норвегии были организованы в «корабельные округа»; от каждого выставлялся полностью снаряжённый военный корабль с командой.

Вождь был окружён дружиной, в которую входили молодые люди, искавшие добычи и славы. Такой вождь мог защитить соплеменников от врагов и захватить новую территорию для поселения. Отношения в дружине строились отнюдь не на началах равенства, как может показаться из слов датских викингов («Все мы равны!»): дружинники приносили вождю присягу

верности, нарушение которой покрывало бы их несмываемым позором, получали от него меч и иное оружие, коня и долю в добыче и считали его своим господином. Слово «herra» – господин – встречается уже в самых ранних песнях скальдов для обозначения предводителя дружины. То, что Тацит писал о древних германцах: «Вожди сражаются за победу, дружинники – за вождя», – полностью подходит и к скандинавским дружинам. Вернуться из сражения, в котором пал вождь, было признаком трусости – одного из самых постыдных пороков, с точки зрения варваров. Дружина должна была защищать вождя, служить ему и пасть в бою вместе с ним, если военное счастье ему изменило. Дружинники служили предводителю и в его усадьбе, где они жили. Некоторые дружинники назывались «свейнами» – то были оруженосцы и слуги, обязанные стоять за столом, когда пировали вождь и старшие дружинники, и подавать им питьё и еду. Власть вождя над дружинником, пока тот оставался с ним (он мог быть отослан из дружины или уйти сам, с разрешения вождя), была чрезвычайно велика.

Племя, во главе которого стоял вождь, опиравшийся на дружину, отчасти содержало его и воинов на свой счёт. Ещё древние германцы приносили вождям подарки в виде скота и земных плодов. С течением времени эти дары неизбежно утрачивали добровольный характер и превращались в дань или кормление, ко-

торое все домохозяева обязаны были предоставлять вождю. Усадьбы конунгов и херсиров служили местом, куда население свозило продукты для вождя и его свиты. Такие поборы назывались вейцлой, т. е. кормлением, угощением, пиром ⁵. Вождь, имевший несколько усадеб, расположенных в разных частях возглавляемой им области, разъезжал по этим дворам и кормился вместе со своими людьми за счёт приношений. Прокормить многолюдную дружину могущественного конунга или херсира было нелегко, население нередко видело в этой обязанности серьёзное для себя обременение. Для того чтобы не истощить ресурсы жителей и не вызвать у них недовольства, вождям приходилось чаще переезжать из одной местности в другую, нигде не задерживаясь подолгу, либо отправляться за добычей к соседям или за море. Когда же они пытались сократить рацион дружинников, те не скрывали недовольства. Казалось естественным, что вождь щедр на угощения, как и на кольца и гривны, которые он дарил своим приближённым. Скальды сплошь и рядом называли вождя «раздающим золото», «щедрым на кольца».

Основой могущества знати являлась и её ведущая роль в религиозных делах. Знатные лица охраняли

⁵ [5] Steinnes A. Husebyar. Oslo, 1955; Гуревич А. Я. Древненорвежская вейцла // Научные доклады высшей школы: Исторические науки. 1958. № 3.

храмы, ведали обрядами и жертвоприношениями. Поскольку же гадания и религиозный ритуал непосредственно связывались с поступками людей (в зависимости от предсказания выступали в поход или оставались дома, ждали урожая, улова рыбы, приплода скота и т. п.), то контроль знати над культом перерастал в её контроль и над другими сторонами жизни населения. Принося жертвы, вождь способствовал благополучию населения. В одной из саг рассказывается, что после того как норвежский ярл Хакон стал «приносить жертвы настойчивее, чем это делалось прежде», «вскоре улучшился урожай, и снова появились хлеб и сельдь, процвела земля». Отправляя культ, знатные люди оказывались в глазах населения в более тесных, интимных отношениях с божественными силами и сами приобретали значение избранников или потомков богов⁶. Конунги древних скандинавов вели своё происхождение от языческих богов. Формировавшаяся у них в эпоху викингов королевская власть приобретала сакральный характер задолго до появления на Севере христианства.

В личности конунга, по представлениям того времени, воплощались благополучие и счастье его народа. Не только жертвы, которые он приносил, и обряды, им совершаемые, но и сам он был источником удач и успе-

⁶ [6] Piekarczyk S. O społeczeństwie i religii w skandynawii VIII-XI w. Warszawa, 1963.

хов соплеменников. В годы правления конунга, «счастливого на урожай», в стране хорошо родились земные плоды, телились коровы и овцы, к берегам приходили большие косяки рыб, не было стихийных бедствий, не нападали враги, и «был мир добрый». При «несчастливых» конунгах всё шло плохо. Когда на праздничных пирах пили за «добрый год» (т. е. за хороший урожай и всяческий приплод) и за конунга, то по существу заботились об одном и том же. По преданию, после смерти одного из конунгов Восточной Норвегии, считавшегося «самым счастливым на урожай из всех конунгов», знать разделила его тело на части, которые жители четырех разных районов похоронили в своих землях, «и думалось им, что можно надеяться на урожай».

Подобные представления о конунгах и знати как носителях производственной магии способствовали их возвышению и усилению их общественного влияния. Как и у других народов на соответствующей стадии развития, у скандинавов, в частности у шведов, сложились легенды о том, что в тяжёлые для народа годы конунгов приносили в жертву, если никакие другие жертвоприношения не помогали вернуть стране благополучие.

Но ведущее положение знати в обществе определялось не только её ролью в защите территории и в контроле над культом. Вожди, стоявшие во главе дружин, воевали между собой, с соседними племенами,

совершали походы в другие страны, занимались морским разбоем. Захваченная добыча: драгоценные металлы, украшения, ткани, одежда, оружие и утварь из более богатых стран, пленные, которых они продавали или обращали в своих рабов, – служила важнейшим источником их обогащения. Родовая знать древних скандинавов не представляла, разумеется, класса крупных землевладельцев, который в ту пору интенсивно развивался в Европе. Земля не была главным её богатством. Скот, рабы, корабли, оружие и другие богатства, которыми они могли одаривать дружинников и приближённых, – таковы основные материальные источники общественного могущества конунгов, ярлов, херсиров. К ним стекались юноши и молодые люди, жаждавшие славы и приключений; неимущие и малоимущие искали в их усадьбах приюта и прокормления, соседнее население видело в них своих покровителей и защитников и в то же время нередко опасалось насилий и вымогательств с их стороны.

Торговые люди, путь которых проходил мимо владений знатного человека, также спешили расположить его в свою пользу, ибо в его власти было ограбить их или, наоборот, благоприятствовать торговле. Сообщения саг, изучение местоположения усадеб могущественных вождей того времени показывают, что свои дворы они нередко возводили как раз в таких местах, где проплывали купеческие корабли: на островах, вы-

дающихся в море мысах, в проливах или горловинах фьордов. Контроль над торговлей был немаловажным источником обогащения скандинавской знати. Владельцы крупных усадеб в Северной и Северо-Западной Норвегии из поколения в поколение держали в своих руках необычайно прибыльную морскую торговлю на Севере с населением Финнмарка. Этот путь так и назывался «финским путём», по нему везли товары, вымененные у финнов и саами, и собранную с них дань: меха, шкуры, птичий пух, чрезвычайно ценившийся не только в Скандинавии, но и далеко за её пределами. Эта торговля была неразрывно связана с разбоем, и львиная доля доходов доставалась представителям знати, контролировавшим «финский путь».

Один из них, Оттар из Халогаланда, области Северной Норвегии, побывавший в конце IX в. в Англии, рассказал королю Альфреду о своей родине и жизни там. Альфред записал этот рассказ, представляющий первую по времени из имеющихся в распоряжении историка характеристику могущественного человека из Скандинавии, своего рода моментальную его фотографию (хотя и дошедшую в копии X в.). Оттар жил за Полярным кругом, севернее него, как он говорил, никто из норвежцев не селился, лишь кое-где там попадались саами, которых норвежцы называли финнами. Оттар владел большими стадами скота, особенно много было у него оленей. Пахотной земли у него

имелось немного. Значительную роль в его хозяйстве, видимо, играли морской промысел и охота. «Но главнейшим его сокровищем была дань, которую ему платят финны». Она состояла из куньих мехов, меховой одежды, оленьих и медвежьих шкур, птичьего пера, китового уса, корабельного каната, на изготовление которого шли моржовые и тюленьи шкуры. Торговые поездки Оттар совершал на восток вплоть до Белого моря, в страну Бьярмию, в противоположном направлении – плавал в Англию и Южную Данию.

Основой богатства и могущества средневековых феодалов была недвижимая собственность, земля. Богатства скандинавской родовой знати состояли в первую очередь из движимого имущества. То, что родовая знать жила больше военной добычей, чем за счёт эксплуатации местного населения, и то, что она не была тесно привязана к земле, самый характер её богатства и способ его приобретения делали скандинавскую знать необычайно мобильной, «лёгкой на подъём», готовой отправиться в далёкие походы для захвата добычи и даже переселиться в другие страны.

Вокруг знати группировались не только элементы общества, которые непосредственно зависели от неё или были связаны с ней своими материальными интересами (дружинники, приживальщики, домочадцы, данники, рабы, вольноотпущенники), но и более широкие круги населения, сохранявшие личную и экономи-

ческую самостоятельность, однако нуждавшиеся в её защите и руководстве. В одной из песен «Старшей Эдды», известной под названием «Песнь о Риге», рассказывается о сотворении людей богом Ригом-Хеймдаллем. Сперва он посетил убогое жилище Прабабки и Прадеда. Здесь был рождён от Рига Раб-Трэль, и от него пошёл род рабов. Затем Риг приходит в дом Бабки и Деда, и зачатый Ригом Карл явился предком рода земледельцев – бондов. Наконец, в хоромах Матери и Отца от Рига родился Ярл – военный предводитель, знатный человек, потомком которого был юный Кон (конунг).

Знать, свободные земледельцы и рабы – таков состав общества в представлении древних скандинавов. Автор этой песни видит различия между тремя социальными слоями прежде всего в богатстве: Трэль живёт в хижине, ест грубую пищу и занят тяжёлой и грязной работой; Карл владеет скромным домом и возделывает участок земли, тогда как Ярл посвящает свои досуги воинским подвигам, охоте, пирам и иным, подобающим его знатности и благородству развлечениям. Но составитель песни, в противоположность благообразию бонда и его жены и красоте и изысканности манер знатных людей, на стороне которых все его симпатии, подчёркивает убожество и нечистоплотность рабов. Их он презирает: дети Трэля награждены именами, представляющими собой оскорбитель-

ные клички. «Песнь о Риге» сохранилась в поздней записи, но социальная структура, рисуемая в ней, весьма архаична. Поэтому есть основания предполагать, что «Песнь» восходит к эпохе викингов. Ярл и его сын Конунг – типичные воители, викинги, окружённые дружиной и совершающие заморские экспедиции.

Мобильностью отличались не только представители знати, но и часть простого населения. Ведь жизнь древнего скандинава сплошь и рядом была теснейшим образом связана с морем. Молодёжь покидала отцовские Усадьбы и отправлялась в другие области или за пределы страны – в военные и торговые поездки. Наиболее зажиточные хозяева имели собственные корабли, у бондов поскромнее были лодки. Нередко несколько бондов строили корабль в складчину и отправлялись в плавание: охотнику, китобою, рыболову, да и скотоводу нужно было сбывать свою добычу.

В обстановке глубокой ломки традиционных отношений собственности и всего уклада общества имелось сколько угодно социально неустроенных элементов, склонных к любой авантюре. Повествуя об этом времени, великий исландский историк начала XIII в. Снорри Стурлусон писал, что тогда в Скандинавии существовало много «морских конунгов», не имевших собственных земельных владений и крыши над головой: все их подданные входили в дружину и охотно отправлялись за море за добычей.

В эпоху викингов, подготовленную всем предшествовавшим развитием скандинавского общества, в военные походы и пиратские набеги, в дальние плаванья по неизведанным морским просторам, в торговые поездки в другие страны, наконец, в переселения на новые земли втягивались значительные массы жителей Дании, Норвегии и Швеции – выходцы из различных социальных слоёв. Эпоха викингов – эпоха широкой экспансии скандинавов, принимавшей самые различные формы. Причины её также многообразны. Очевидно, множество разнообразных факторов толкало людей на то, чтобы покинуть землю предков и переселиться за море, или на ведение насыщенной приключениями и сулившей славу и добычу, но вместе с тем и полной опасностями и риска жизни викингов.

Во-первых, к этому времени жители Скандинавии испытывали недостаток в землях, пригодных для земледелия и скотоводства. Некоторые современные учёные ставят под сомнение существование земельного голода, но исследования топонимики и скандинавских поселений давно уже дали ряд подтверждений этого факта. Ещё в V-VI вв. население внутри полуострова начало проникать в ранее пустовавшие районы. При этом многие прежние посёлки и усадьбы были заброшены. В VII-IX вв. распад хозяйств больших семей принял широкие размеры, что указывает на рост населения и создание внутри домовых общин скры-

того перенаселения. С этим же обстоятельством, видимо, связано и значительное увеличение числа погребений в различных районах Скандинавии в начале эпохи викингов. Наконец, массовая эмиграция из стран Севера в другие страны уже в эпоху викингов и заселение датчанами и норвежцами целых областей Англии, Ирландии, Северной Франции, островов Северной Атлантики не могут быть объяснены, если не признать наличия избыточного населения в тогдашней Скандинавии⁷. Конечно, избыток населения вызывался не распространённым у скандинавов многожёнством, как полагали некоторые историки. При относительно низком уровне сельского хозяйства, носившего экстенсивный характер, нехватка земли могла стать угрожающей. Немецкий хронист второй половины XI в. Адам Бременский писал о норвежцах, что на морской разбой их толкает бедность родины, она-то и гонит их по всему свету. В эпоху викингов земельный голод привёл к тому, что внутренняя колонизация, которая приняла широкие размеры (данные археологии свидетельствуют о том, что именно в этот период в Скандинавии получает широкое распространение железо; появление большого количества железных топоров и других орудий было необходимым условием для расчистки новых земель), нашла своё продолжение во

⁷ [7] Martens I. Vikingetogene i arkeologisk belysning // viking. Bd. XXIV. 1960. S. 112-113.

внешней экспансии скандинавов. Многие бонды забирали с собой семьи и утварь и отплывали за море. Неизвестно, сколько их при этом погибло в бурных северных водах. Но стремление покинуть суровую родину, где они подчас голодали, и переселиться в страны, в которых «с каждого стебля капает масло», как вещали первые колонисты Исландии, желая привлечь туда из Норвегии новых переселенцев, привело в движение значительные слои бондов. Голод и нужда, поиски новых плодородных полей и тучных пастбищ гнали за море многих и многих скандинавов.

Во-вторых, и это обстоятельство особенно подчёркивается современными исследователями ⁸, развитие торговли, начавшееся опять-таки много раньше эпохи викингов, привело часть населения Севера в более тесное и постоянное соприкосновение с жителями других стран и познакомило их с богатствами народов, опередивших скандинавов на пути материального и культурного развития. Это общение благоприятствовало подъёму торговли и мореплавания у скандинавов, появлению у них первых значительных торговых центров (Бирка, Хедебю и др.) и стимулировало прогресс в технике судостроения. Мореплавание не было новостью для них, но в связи с новыми потребностями произошло усовершенствование формы и оснастки ко-

⁸ [8] Brøndsted J. *Vikingerne*. København, 1960. s. 23; roesdahl e. *The Vikings*. L., 1991. P. 189-191.

раблей, которые они строили. В свою очередь, появление быстроходных и устойчивых в бурном океане кораблей, с парусами и глубоким килем, открыло перед северными мореходами широкие перспективы и позволило покончить с замкнутостью, в которой они жили до эпохи викингов.

В-третьих, родовая знать и верхушка бондов, игравшие важную роль в общественной жизни скандинавских племён ещё и в предшествующий период, в новых условиях неизбежно должны были достигнуть наибольшего могущества и влияния. Создавшиеся к началу эпохи викингов возможности для проникновения в соседние страны открыли перед скандинавской знатью широкие перспективы для обогащения и политического усиления. Захват добычи, драгоценностей и рабов, оживление торговли и мореплавания были делом в первую очередь знати. Походы викингов в самых различных их проявлениях и на всех их стадиях возглавлялись знатными и родовитыми людьми. Погребения и клады свидетельствуют о том, какие огромные богатства накопили многие знатные норманны в тот период в результате прямого грабежа, сбора дани и в процессе торговли. Разложение родового строя у скандинавов, как и у других народов, сопровождалось ростом воинственной знати, для которой экспансия в другие страны и агрессивность были средствами обогащения и укрепления своих позиций среди собственного наро-

да.

Политическая слабость соседних стран, раздираемых в VIII и IX вв. внутренними раздорами и усобицами, делала их лёгкой добычей норманнов. Успехи викингов были вызваны не только их высокими боевыми качествами и не их многочисленностью, которая крайне преувеличена во всех западноевропейских источниках. В большой мере они объясняются неорганизованностью и несогласованностью действий их противников.

Наконец, усиление власти конунга, ознаменовавшее начало политического объединения в скандинавских странах, вело к обострению борьбы в среде знати. Той её части, которая не желала принять новые порядки и подчиниться конунгу, приходилось покинуть родину и отправиться на чужбину. И напротив, неустойчивость королевской власти в скандинавских странах в начальный период экспансии давала викингам возможность безнаказанно хозяйничать и на родине, и за её пределами. Далее мы увидим, насколько тесно были связаны нападения викингов на другие страны с событиями, происходившими у них на родине.

Таким образом, предпосылки походов викингов складывались постепенно в течение долгого времени. Некоторые из них необходимо рассмотреть более подробно.